

репортажем и художественным творчеством условны. Художник часто становится репортером, а репортер поднимается до уровня художника». В этой, пусть завышенной, оценке чернорабочего от журналистики, в этом сведении качественного различия между художником и газетным ремесленником к различию количественному ощущается отголосок собственного, «купринского» пути в большую литературу.

От природы у Куприна было умение видеть, поразительная наблюдательность и память.

Сохранился рассказ некой дамы-писательницы, которая в ранней молодости встретила на каком-то общественном балу с безвестным пехотным офицером Куприным. Прошло лет двадцать, и вот уже в Петербурге писатель, увидев ее, подошел, назвал по имени-отчеству и напомнил об их знакомстве. Она удивилась: «Неужели вы меня узнали?» Куприн засмеялся и подробно описал, какое платье было на ней в тот вечер, двадцать лет тому назад. «Цвет, фасон, все решительно, совершенно точно, уж ведь мы-то, женщины, наши платья помним!» — изумленно рассказывала она.

Стоит ли поэтому удивляться, с какими поразительными подробностями запечатлены в маленьких рассказах Куприна пехотные офицеры, «ундеры», рядовые, артисты цирка, босяки, квартирные хозяйки, студенты-белоподкладочники, певчие, лжесвидетели, воры. Какое обилие типажей, очерченных резко и характерно, предстает в военных рассказах, какая пестрая людская ярмарка разворачивается в «Киевских типах»! Военные типажы обрисованы писателем так, что подчеркнута их распространенность; в забитом, «бледном, грязном» татарине Камафутдинове, «посмешище всей роты, ужасе и позоре инспекторских смотров» («Ночная смена»), мы без труда узнаем черты жалкого Мухамеда Байгузина, подвергнутого «эзекуции» за кражу голенищ и тридцати семи копеек («Дознание»); любимец роты, запевала, лентяй Замошников («Пранорщик армейский») повторится в старом солдате-дядьке Веденяпине, «запевале и общем увеселителе» («Поход»).

В великолепно изученной Куприным среде киевского «дна» писатель так же знает «все обо всем», как и в среде армейской. Он знает и то, какие типы лжесвидетелей существуют в Киеве и почему их нельзя путать с продажными «благородными» свидетелями. Как называют босяков в Петербурге, как их зовут в Москве, а как в Одессе и Харькове. Знает, что «марвихер» — это вор, занимающийся исключительно карманными кражами, и — даже! — что «за последнее время между «марвихерами» вошли в моду короткие мохнатые бушлаты из светло-желтого драпа».

От природы имел Куприн необыкновенное зрение, тонкий слух и нечеловеческую чуткость к запахам и ароматам.

Современники шутили, что в Куприне было что-то «от большого зверя». Мамин-Сибиряк говорил: «А вот Куприн. Почему он большой писатель? Да потому что он живой. Живой он, в каждой мелочи живой. У него один маленький штришок — и готово: вот он весь тут, Иван Иванович... Кстати, он, знаете, имеет привычку настоящим образом, по-собачьи, обнюхивать людей. Многие, в особенности дамы, обижаются. Господь с ними, если Куприну это нужно». Ему вторила писательница Н. А. Тэффи: «Вы обратили внимание, как он всегда принюхивается к людям! Потянет носом, и конец — знает, что это за человек».